

Иренеуш Шарыч

"А вы в конец света верите?" : апокалипсис в современной русской литературе : пророчества индейцев майя в романе Дмитрия Глуховского "Сумерки"

Studia Rossica Posnaniensia 37, 327-334

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

„А ВЫ В КОНЕЦ СВЕТА ВЕРИТЕ?”
АПОКАЛИПСИС В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПРОРОЧЕСТВА ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ
В РОМАНЕ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО *СУМЕРКИ*¹

“DO YOU BELIEVE IN THE END OF THE WORLD?”
THE APOCALYPSE IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE:
THE MAYA INDIAN PROPHECY IN DMITRY GLUKHOVSKY’S
NOVEL *SUMERKI (TWILIGHT)*

ИРЕНЕУШ ШАРЫЧ

ABSTRACT. Dmitry Glukhovsky’s *Sumerki (Twilight, 2007)* is the story of a young Muscovite who takes up the task of decoding the prophecies of the Maya Indians and connects them with the catastrophes that plague today’s world: earthquakes in Iran, hurricanes in the USA, tsunamis in Indonesia, and drought and conflagrations in Russia. The newspaper headlines and TV news announcements look like Maya Indian prophecies. While translating the old diary of a Spanish conquistador, he becomes involved in a maelstrom of incredible events which will help him interpret the predictions and look into the future, even at the cost of his own life. Can the world be saved? This is the question that Glukhovsky already asked his readers in his previous, dark and apocalyptic science fiction novel *Metro 2033 (2005)* about a bleak and not-too-distant future. His novel *Sumerki* is more than a novel – it is rather a metaphor and a manifesto.

Ireneusz Szarycz, Department of Germanic and Slavic Studies, University of Waterloo, Waterloo, Ontario, N2L 3G1 – Canada.

Дорога, по которой идет человечество,
вьется, как спираль, и однажды оно снова
окажется на краю пропасти.

(Дмитрий Глуховский, *Метро 2033*)

Тема апокалипсиса довольно часто затрагивалась в русской литературе и критике. Недавно Алексей Варламов опубликовал серию материалов на общую тему – переживание апокалипсиса в современной литературе. Речь в них шла о характерном и легко узнаваемом ощущении рубежа столетий и тысячелетий, усиленном социальными катаклизмами. Переживание апокалипсиса всегда – именно человеческое, а не социальное переживание с прямо проти-

¹ Д. Глуховский, *Сумерки*, Москва 2007.

воположными знаками, совмещающее животный страх перед возмездием и светлое, духовного измерения начало – ожидание конца тьмы, обретения истины. Так именно воспринимает апокалипсис герой *Сумерек* Глуховского. Апокалипсис для него это не конец, а порог, дверь в новый и светлый мир, где нет пути, но есть покой и гармония. Глуховский передает идею апокалипсиса по-своему, по-другому расставляя акценты, и это отличает его от других писателей, писавших на эту тему несколько лет назад. Можно сказать, что литература 80–90-х во многом была исполнена пафосом утрат. Литература же нового столетия с разной долей уверенности и в разных направлениях ищет новых путей. Все чаще и чаще говорят сегодня о том, что литература конца XX века с ее отрицающими всяческие ценности героями социального дна завершилась, уступив место новой, тяготеющей к утверждению нормы, – и моральной, и стилистической. Но если обозначать приоритеты, то можно с уверенностью сказать, что новую литературу в большей степени интересует судьба не столько человека как части общества, сколько судьба отдельного человека. Именно человека как духовного существа, который, так или иначе, распоряжается своей жизнью. Дмитрий, одноименный персонаж Глуховского, является таким духовным существом – независимым, но ответственным за свои поступки и несмотря на угрозы и попытки на его жизнь, пытающимся раскрыть тайну старинного испанского манускрипта.

Апокалипсис никак не связан с ощущением богооставленности. Напротив, апокалипсис в произведениях конца XX и начала XXI веков есть знак Божьего присутствия, небезразличия верховного к заурядным и подчас низким человеческим деяниям. Здесь акцент прямо противоположный: именно потому близится момент Страшного Суда, что человечество отвернулось от идеалов, не хочет видеть и слышать приближение исхода: для кого-то спасительного, для кого-то удручающего. Очевидно, что апокалипсическая проблематика вообще характерна для русской литературы, русской культуры в целом. И дело здесь не только в порубежных, написанных в Серебряном веке *Краткой повести об Антихристе* (1900) Владимира Соловьева и *Апокалипсисе нашего времени* (1917–1918) Василия Розанова. Дело в исходной религиозности русской литературы. И примерами здесь являются и *Братья Карамазовы* (1880) Федора Достоевского, и *Пирамида* (1994) Леонида Леонова. Есть даже теоретические попытки осознать, объяснить причины включенности этой проблематики в структуру русского национального сознания. Юрий Лотман объясняет это бинарностью русского национального мышления, в отличие от тернарности западного. Русским соответственно и непреложно присуще переживание ключевых моментов истории как уникальных и необратимых. У Александра Солженицына свое толкование, хотя направленность размышлений та же – он тоже говорит о специфике русской национальной ментальности и ее составляющих. Моральная доктрина русского человека во многом обусловлена христианским мировоззрением, исконным, органическим православием.

Русская литература всегда брала на себя повышенные обязательства перед миром, претендуя и это болезненное апокалипсическое переживание пережить подчас более остро, заостренно-типологически, чем оно предложено жизнью. Здесь и почвеннические идеи Достоевского, и знаменитое толстовское „Не могу молчать...“, и пафос литературной и публицистической деятельности уже современного писателя Олега Павлова, выпустившего книгу публицистики *Русский человек в XX веке* (2003), и работы Варламова. Идея служения отрефлектирована русской литературой настолько, что стала ее органической частью.

Книги Дмитрия Глуховского (1979–) являются продолжением или, точнее, обновлением, углублением и расширением темы апокалипсиса в русской литературе, особенно в романе *Сумерки*, в котором проблему апокалипсиса автор рассматривает в более широком масштабе, выходит за пределы чисто русского мировоззрения и вводит мотивы из других культур, в данном случае из культуры Центральной Америки.

Глуховский после окончания московской школы с углубленным изучением французского языка четыре с половиной года учился в Израиле. Работал в Германии и во Франции. Был военным корреспондентом в Израиле и Абхазии. Из своих тридцати двух лет почти десять Глуховский прожил за рубежом. В настоящее время он работает международным телекорреспондентом на англоязычном канале „Russia Today“ и говорит на пяти иностранных языках.

Читатели уже познакомились с его ранними произведениями, такими, как *Лети* (1998), *Случай в зоопарке* (1998), *Восемь минут* (1998), *Ночь* (1998), *Когда ты один...* (1998), *История одной собаки* (1998), *Ночь* (1999), *Рассказы о животных* (1999) и *Infinita Tristessa* (2005). После *Метро 2033* (2005) – антиутопии о жизни в Москве после ядерной войны – в печати появились *Конец дороги* (2006) и роман *Сумерки* (2007). Вышла уже и его следующая книга *Метро 2034* (2009). Но в литературных кругах и среди читателей Глуховский известен, прежде всего, как автор романа-апокалипсиса *Метро 2033* и романа-мистери *Сумерки*. На вопрос о жанре последнего романа, и верит ли он в конец света, автор ответил:

Я бы не назвал *Сумерки* антиутопией. Наиболее точное определение жанра этой книги – роман-метафора, роман с двойным дном. И не могу сказать, что меня привлекают антиутопии как жанр. Меня скорее завораживает сама концепция апокалипсиса – и эстетически, и психологически, и философски. Что же касается самого конца света, я в него, разумеется, верю².

Во время многочисленных интервью после публикации обеих книг читателей и прессу интересовал мотив апокалипсиса в романах Глуховского. На

² Дмитрий Глуховский рассказывает об индейцах майя и апокалипсисе, „Time Out“, Санкт-Петербург 8–22 февраля 2008, № 3 (137), [http://www.spb.timeout.ru/journal/feature/2091/\(07.12.2011\)](http://www.spb.timeout.ru/journal/feature/2091/(07.12.2011)).

вопрос – „Мотив конца света в ваших книгах – результат целенаправленного тематического отбора или просто «ненамеренный» интерес?» – автор предложил следующий ответ:

Тематической установки нет, но как автора эсхатологический вопрос меня зачаровывает – описать мир и после его конца, и в его преддверии. Опять-таки – параллели между человеческой смертью и крахом мира. Здесь многое задевает лично меня. Каждому, кто обладает ощущением некоего отрицательного очарования, такие вопросы интересны творчески, эстетически. Особенно если вспомнить Артура Кларка с его потрясающим *Концом детства* [...]. На Западе стали все больше и больше картин снимать о конце света. Есть что-то такое в атмосфере, что витает не только у нас, но и по всей планете³.

По признанию самого автора его, как писателя, более тянет в сторону „интеллектуальной литературы”, а не в сторону жанра, представителем которого является, скажем, Стивен Кинг:

[Кинга] называют королем ужасов, но это довольно вульгарно. Он – король страха, поскольку понимает, какие механизмы задействуются у людей пугающих и у людей боящихся. И Кинг знает, как буквально тремя строчками человека реально напугать. И самые лучшие книги его читаются так, что и страшно, и бросить не можешь. В этом плане он мастер своего дела, пугать умеет. И в этом плане, поскольку и в *Метро*, и в *Сумерках* есть элементы триллера, хоррора, мне хочется на него ориентироваться. Другое дело, что произведения Кинга часто достаточно бездумные: нередко он излишне примитивен, американист, персонажи не всегда полностью живые, и в этом плане следовать ему не желаю⁴.

Об интеллектуальной литературе писалось и пишется в России довольно много, не исключая фантастики⁵ – самого модного теперь жанра. Это своего рода исход русских писателей в землю обетованную, в землю фантазии. Популярны также детективы, излюбленным героем которых является человек действующий, борющийся со злом. Фантастическое допущение *Сумерек* – возможность для человека стать *Übermensch*, и даже Богом (Богом в романе является Юрий Андреевич Кнорозов, *alter ego* Юрия Валентиновича Кнорозова)⁶, и помериться силами с самим собой, с миром, и победить реальное зло в себе, в другом человеке, и спасти и человечество, и весь мир. Именно это стремление к действию сближает роман Глуховского с популярным сегодня романом-

³ „Время и Деньги. Газета для людей дела”. Д. Глуховский, *Хочется, чтобы все книги были щемящими*, <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-21752-print-1.htm> (07.12.2011).

⁴ Там же.

⁵ Об этом смотри книгу: Д. Володин, *Интеллектуальная фантастика*, Москва 2007.

⁶ Юрий Валентинович Кнорозов – выдающийся советский ученый, расшифровавший письменность майя. [...] Но тот Кнорозов, о котором я пишу в *Сумерках*, лицо не вполне историческое. Мне пришлось частично изменить его биографию, вторгнуться в его частную жизнь [...].

-детективом. То, что предложил читателю Глуховский, представляет собой удивительный жанр, родоначальником которого в русской литературе стал Михаил Афанасьевич Булгаков еще в 30-х годах XX века. Трудно однозначно определить жанр как *Сумерек*, так и романа Булгакова *Мастер и Маргарита* (1966), поскольку последний очень многослоен и в нем слились и сатира, и фарс, и фантастика, и мистика, и история любви, и философские мысли. *Мастер и Маргарита* это действительно роман-манифест. Глуховский следует самому лучшему примеру в русской фантастике.

Если первый роман Глуховского *Метро 2033* по стилю и духу напоминает раннюю научную фантастику Аркадия и Бориса Стругацких (*Обитаемый остров*, 1971 и *Парень из преисподней*, 1973), то роман *Сумерки* делает уклон в сторону „интеллектуальной фантастики“ Булгакова, а потом философских романов Умберто Эко. Роман итальянского писателя под заглавием *Остров накануне* (*L'isola del giorno prima*, 1994) повествует о драматической судьбе молодого человека XVII столетия и затрагивает вечные вопросы, которые никогда не перестанут волновать человечество, а именно вопросы жизни и смерти. Об этом тоже и роман Глуховского. Можно также найти сходства *Сумерек* с философско-детективным романом Эко *Имя розы* (*Il nome della rosa*, 1980), который рассказывает о взаимоотношениях автора, читателя и самого произведения.

Глуховский в *Сумерках* очень оригинально связывает события, описанные в испанской рукописи, с катаклизмами, о которых люди нашего столетия каждый день узнают из новостей, и которые являются знамением грядущего апокалипсиса. Самое главное, однако, что писатель, прежде всего, посвящает свой роман индивидуальному человеку, его внутренним переживаниям. Поэтому смысл романа в том, что он повествует не столько об апокалипсисе мира, сколько об апокалипсисе личности, которая, даже самая незначительная, в конечном счете может оказаться спасителем мира, если у нее найдутся и сила, и вера в человечество:

[...] я нахожусь здесь уже вечность и готов оставаться на этом месте еще столько же. И я не покину своего поста, пока не увижу, как сквозь клубы грозových облаков где-то невероятно далеко просачивается первый лучик поднимающегося со смертного одра Солнца⁷.

К сожалению, из-за ограниченного количества страниц, настоящая работа только поверхностно и в общих чертах затрагивает тему апокалипсиса в романе *Сумерки*. Как молодой писатель подчеркнул в своем романе, а также говорил в одном из своих многочисленных интервью, это не только роман о наступающем конце света, но это тоже роман „мистерия, роман-метафора, заgrimированный под триллер“⁸.

⁷ Там же, с. 304.

⁸ Там же, с. 306–307.

Повествование *Сумерек* развивается очень быстро, почти как в классическом детективе. Сюжет романа основан на реальном историческом документе, находящемся в архивах библиотеки Королевского института истории в Мадриде, но доступном для исследователей тоже в переводе на русский язык⁹. *Сумерки* по стилю до некоторой степени напоминают книгу Дэна Брауна *Код да Винчи* (Dan Brown, *The Da Vinci Code*, 2003). Главный герой *Сумерек* Дмитрий, переводчик, получает заказ перевести старинный испанский манускрипт, в котором детально описан поход небольшого отряда конкистадоров под командованием испанского дворянина Луиса Каса-дель-Лагарто вглубь полуострова Юкатан. Цель экспедиции – найти священные книги индейцев майя, включая самую главную, где рассказано про все, что будет, и указан точный день конца света. С участниками похода происходят странные и страшные события. Главный герой расшифровывает главу за главой ветхого манускрипта, рискуя при этом собственной жизнью. Чем больше Дмитрий погружается в текст манускрипта, тем больше замечает параллелей между древней историей и тем, что происходит в современном мире и, конечно, в России. В Москве происходят зверские ритуальные убийства, под окнами дома, в котором живет Дмитрий воет что-то очень страшное, по всему миру ураганы и катастрофы, а одно из землетрясений угрожает даже Москве. Природные катаклизмы, происходящие на земле в преддверии Нового года, грозят уничтожить всё живое. Дмитрий чувствует, что между стихийными бедствиями и испанской рукописью есть связь, что все было предсказано задолго до современной эпохи и служит предвестником страшных событий. В *Сумерках* Глуховский изображает сознание отдельного человека (московского переводчика Дмитрия, который неслучайно очень близок самому автору романа и не только по имени) как целую Вселенную, проводит параллели между человеческой смертью и концом света, который по исчислению индейцев должен исполниться в 2012 году¹⁰. Тайна, что является причиной грядущего апокалипсиса и воз-

⁹ *Сообщение о делах в Юкатане* Диэго де Ланда, написанное в 1566 году, – основной источник по истории и этнографии индейцев майя во времена испанского завоевания. Приводимые автором сведения подтверждаются другими испанскими источниками, текстами на языке майя и археологическими исследованиями. История текста де Ланда довольно сложная. Есть предположение, что в основу его легли не дошедшие до нас труды Гаспара Антонио Чи, индейца с европейским образованием. Францисканский монах Диэго де Ланда составил компиляцию из материалов индейского знатока, добавив сведения из других источников и собственные рассуждения. Оригинал компиляции де Ланда не сохранился, но уцелела сильно сокращённая копия, которую со староиспанского перевел Юрий Валентинович Кнорозов. Вводная статья и примечания к русскому изданию тоже написаны Кнорозовым. *Сообщение о делах в Юкатане*, Москва 1955.

¹⁰ В. Кузьмин, *Тайны календарей древних майя*, <http://apinews.ru/index.php/entertainment/2012/484-maya> (07.12.2011):

Согласно старинным верованиям, в день равноденствия солнце максимально отдаёт свою энергию, «заряжая» людей здоровьем, оптимизмом, отличным настроением и давая им жизненные силы на целый год. Поэтому ежегодно 21 марта сотни тысяч мексиканцев и туристов спешат взобраться на

можно ли еще спасти мир, – в старинном манускрипте и в руках переводчика-москвича.

Глуховский, как уже было подчеркнуто раньше, не первый обращается к древней истории человечества и древней мудрости. Именно теперь, в XXI веке, наступил критический момент в развитии человеческой цивилизации. Древние оставили нам знания, которые подсказывают, что надо делать, чтобы не уничтожить самих себя и Землю. Поэтому люди устремленные пытаются найти ключ к спасению. Самая таинственная из древних цивилизаций – цивилизация индейцев майя, исчезнувшая с лица земли еще за пятьсот лет до открытия Америки – оставила после себя немало загадок. Одна из самых главных – календарь, до сих пор изумляющий современность своей точностью. Согласно этому календарю, эпоха так называемого „Пятого солнца”, в которой живет нынешнее человечество, заканчивается 21 декабря 2012 года. Что будет после этого, неизвестно никому...

Глуховского, как писателя и как человека, интересует сама концепция апокалипсиса. С эстетической стороны он пытается найти такой литературный прием, такое средство художественного выражения, которое способствовало бы самому полному, самому ясному представлению интересующей его тематики, к которой все чаще обращаются русские писатели и которой ожидает тоже русский читатель.

пирамиды далеких индейских цивилизаций. Для этих людей стало уже традицией в день весеннего равноденствия поездка в Мексику, на полуостров Юкатан, в развалины древнего города Чичен-Ица, с целью увидеть крылатого бога-змея Покультама, появляющегося на северной стороне одноименной пирамиды. Когда солнце входит в зенит, и день и ночь становятся равной длины во всем мире, на стене храма появляется изображение крылатого бога. Это – семь треугольников света и тени, образующие изображение змеи [...]. Старейшина, осуществляющий здесь ритуалы своих предков, считает, что древние майя прекрасно знали мироустройство Вселенной. Эти знания позволили им предсказать, что на планете Земля 21 декабря 2012 года произойдут некоторые события. Многие склонны считать, что так майя предсказывали „конец света”. Другие полагают, что на Земле наступит новая эра – эра духовного прозрения. Но и те и другие сходятся во мнении, что пророчества майя касаются какого-то события, которое может изменить ход истории. А ведь именно 21 декабря 2012 года планета Земля и Солнце должны оказаться на одной линии с центром нашей Галактики. Между тем выходит, что древние майя более чем за тысячу лет сумели предсказать такое редкое космическое явление! Феномен заключается в том, что когда солнце оказывается в этой зоне, происходит рождение, рост, умирание, смерть и перерождение. Календарь майя связывал эти события с движением солнца. В 2012 году должно произойти обновление мира, его новое рождение. Даже по современным меркам, не имея никаких оптических приборов для наблюдений за космическими объектами, майя с удивительной точностью определяли те или иные астрономические события. Изучив опыт древних, даже современная наука утверждает, что для получения астрономических данных, необходимых для составления календаря майя, они должны были наблюдать и записывать движения планет на протяжении 10 000 лет!

Ради интереса можно тоже посмотреть документальный фильм *Апокалипсис 2012. Сбудутся ли пророчества майя?* Авторы фильма *Апокалипсис-2012* совершили путешествие в Мексику, на руины древних цивилизаций, и встретились с людьми, всерьез верящими в пророчества майя, и скептиками – представителями традиционной науки. Телеканал „РОССИЯ”. Эфир 9 октября 2008 г.

Столкновение двух разных культур, отдаленных от себя как во времени, так и в пространстве, можно считать удачным выбором. С психологической стороны писателя интересует реакция человека на вторжение чего-то неожиданного, непонятного, невоображаемого в его ежедневную, до сих пор спокойную жизнь. Существует еще философская сторона поисков Глуховского – сможет ли человек смириться с концом света, с исчезновением жизни на земле? Оказывается, что не все люди могут самопожертвовать, чтобы спасти других или даже спасти весь мир. В одной из последних глав повести под испанским заглавием *Las Conversaciones con Dios (Разговор с Богом)*¹¹ Дмитрий наконец встречает человека-Бога, которым оказывается Юрий Андреевич Кнорозов¹², старик, бывший ученый, в своих исследованиях занимавшийся индейцами майя, а теперь, к концу жизни, пытающийся стать бессмертным – Богом:

– Что, во имя всего святого, значит табличка на вашей двери? Какое отношение вы имеете к Ицамне?¹³

Божественность Кнорозова в том, что он, благодаря помощи Дмитрия, узнав простую тайну майя, начал верить в свое бессмертие. Теперь он знает, что „нельзя терять веру”¹⁴. Одним словом „знание” – это приговор, „вера и надежда” – это спасение:

Майя исчезли, потому что сами предрекли свой конец и, безоговорочно уверовав в него, сами же его и предопределили... Что с того, что я смертен? Линия становится отрезком, если ограничить ее двумя точками. Пока нет второй точки, это луч, уходящий из мига рождения в бесконечность. Я не желаю знать, когда умру! И пока я не знаю, когда настанет мой час, я вечен!¹⁵

А в спасение и вечность вы верите?

¹¹ Д. Глуховский, *Сумерки*, указ. соч., с. 269–286.

¹² См. примечание 6.

¹³ Там же, с. 274.

„Ицамна” – Бог небес и владыка дня и ночи изображался как старик с орлиным лицом, покровитель письменности и знаний. Согласно некоторым версиям он был сыном Хунаб Ку, хотя некоторые авторы даже ставят его выше по происхождению,

[в:] С. Картер, 2012. *Пророчества майя: мифы и факты*, Москва 2010, с. 172.

¹⁴ Там же, с. 293.

¹⁵ Там же.